

Коренев Владимир

12.3.02

Большое плавание ИХТИАНДРА

Тверская, 13. - 2002. - 12 марта. - с. 8

Уже сорок лет со дня окончания ГИТИСа Владимир КОРЕНЕВ играет в Московском театре имени Станиславского. И большинство спектаклей репертуара держится на его главных ролях. Он снялся более чем в двадцати фильмах. Самой счастливой оказалась первая роль. Именно та, которую он сам главной не считает. Хотя сразу после выхода на экраны фильма «Человек-амфибия» он проснулся знаменитым. Это удивительная, романтическая история любви земной девушки Гуттиэре и «морского дьявола» - длинноволосого голубоглазого красавца Ихтиандра. Картина принесла молодому артисту поистине всенародную любовь. Это был звездный час молодого артиста - и он, увы, не повторился. С тех пор прошло много лет, и вот я снова беседую с Корневым, голубоглазым, стройным, с легкой проседью в волосах...

- Владимир Борисович, как вы стали Ихтиандром?

- В общем-то, это банальная история. Я тогда учился в ГИТИСе, и на четвертом курсе мне предложили эту роль. Кроме меня, пробовались еще несколько актеров, но в конце концов выбрали меня. И я до сих пор удивляюсь, почему на главные роли утвердили двух неизвестных актеров: меня и Настю Вертинскую, которая в то время еще училась в школе. И картина ведь была не о героях социалистического труда, а о романтической любви.

- Эта роль требовала спортивной подготовки. Вы, наверное, прекрасно плавали?

- Плавал я как раз плохо, едва мог держаться на воде, хотя отец у меня был морской офицер, и мы жили в Севастополе, на берегу моря. Так что пока в Ленинграде снимали павильонные сцены, мы с Настей полгода учились плавать в бассейне физкультурного института. Тренеры с нами занимались по ночам, когда бассейн был свободен. И мы, наверное, оказались способными учениками, потому что в основном все подводные трюки выполняли сами, и только наиболее сложные доверяли опытным каскаде-

рам - чемпионам Ленинграда по подводному плаванию.

- Впоследствии вам приходилось играть «плавающих» героев?

- К сожалению, нет. Но я очень благодарен «Человеку-амфибии» за то, что научился хорошо плавать. Теперь, когда едем к морю, плаваю много и с большим удовольствием. Вообще-то с «Человеком-амфибией» у меня связано нечто мистическое. Как-то в детстве к нам из Читы приехал мой дядя, который был абсолютно слепой, он спал в моей комнате. Ночью, в темноте, он читал мне этот роман Александра Беляева по книжке с выданными буквами. И с тех пор во мне, кажется, не переставал шуметь ветер, наполненный солнцем и океаном. И вдруг получить такую роль! Сценарий картины написал один из лучших наших сценаристов Алексей Каплер. Отца Ихтиандра сыграл великий, культовый тогда актер Николай Симонов. Замечательную музыку к фильму написал Андрей Петров. Оператор просто роскошный - Эдуард Розовский: какие в фильме подводные съемки!

- Во время съемок в этой картине вам приходилось попадать в экстремальные ситуации?

- Приходилось, и не раз. В фильме, например, есть сцена, где злодей Зурита, которого играл Михаил Козаков, заставляет Ихтиандра искать для него на морском дне жемчуг. Мне пристегнули специальный металлический пояс с длинной, килограммов в семьдесят цепью, с ней нужно было опуститься на глубину примерно пятьдесят метров. Я спрыгнул с борта вниз, и в этот момент матрос, который стоял на борту шхуны и держал в руках конец цепи, неожиданно выпустил ее из рук. На мое счастье, оператор, увидев это, бросил камеру и успел поймать цепь, так что я ему обязан своей жизнью. В другой сцене на съемках у меня не сработал акваланг, и тогда страховщик дал мне свой, а сам выскочил на поверхность с довольно приличной глубиной. Очень сложные, нередко с риском для жизни были съемки и у Насти Вертинской.

- Где снимался далекий латиноамериканский город?

- Павильонные съемки проходили на студии «Ленфильм», а натурные - в старых кварталах Баку. Подводные съемки сначала предполагалось проводить в Саргас-

совом море, где были богатейший подводный мир и отличная видимость. Идею не удалось реализовать по простой причине: из-за нехватки денег на экспедицию. Поэтому все подводные съемки проходили на Черном море, в местах, где была самая прозрачная вода. Многообразие морской флоры и фауны создавалось вручную. Кораллы делали из веток инжира, жемчуг, раковины - из пластмассы, водоросли были из поролона.

- Вы часто вспоминаете свой первый фильм?

- Нет, как раз очень редко. Но я благодарен этой роли, сделавшей меня суперпопулярным. Она позволила проскочить через нищету, которая неизбежна практически у всех молодых артистов. Я тогда не стеснялся эксплуатировать свою известность: очень много ездил от бюро пропаганды, возил с собой ролики фильма, на встречах со зрителями рассказывал о себе, о своих партнерах, с которыми снимался в этой картине. Удавалось мне тогда решать и массу различных бытовых проблем: достать билеты на самолет, приобрести что-то дефицитное. Вообще популярность - это очень прият-

ная вещь, хотя она способна испортить человека, особенно, когда ему всего двадцать лет. К счастью, со мной подобного не произошло: от «звездной» болезни меня спасла моя семья.

- Вас поклонницы осаждали?

- Не то слово! Я получал письма мешками, в год примерно тысяч десять, все их прочитать было невозможно, поэтому я на эти письма и не отвечал: складывал их в большую коробку из-под холодильника. Потом отдал все письма пионерам на макулатуру, взяв с них слово, что они не будут на них отвечать за меня.

- Но ведь было и исключение?

- Действительно, было. Я оставил себе одно разрисованное какими-то птичками и цветочками письмо, в котором было написано: «Я знаю, что вы на письма не отвечаете, но мои письма прочтете обязательно. Я сфотографировалась голая, разрешила фотографию на десять частей и в каждом письме буду присылать одну из этих частей». Вся моя семья с огромным интересом ожидала, когда можно будет увидеть полный портрет этой девушки. Она же попросила прислать ей мою фотографию с автографом. И ей единственной я ответил, что за ее изобретательность посылаю свою карточку с припиской: «Извини, что не голый».

- После «Человека-амфибии» вам, наверное, приходилось отбиваться от предложений режиссеров?

- У меня было много предложений, но, как правило, это были роли романтических, сказочных принцев. И я стал отказываться, так как не хотел заниматься «самотиражированием». В дальнейшем

играл характерные роли, в основном отрицательные. Мне нравилось играть разное. Нравилось, что постоянно возникают новые ситуации, новые встречи, я ведь и актером стал, потому что это нескудная профессия.

- Вы четыре десятка лет играете в одном театре. У вас не возникало желания поменять место работы?

- Видите ли, в жизни я консерватор. И когда дело касается моей работы, то я становлюсь очень пунктуальным. Я ни разу не позволил себе опоздать на репетицию или, не дай Бог, выйти на сцену нетрезвым. Не возникало у меня желания и сменить театр. Здесь я работал с моими товарищами, многих из которых, к сожалению, уже нет в живых. Это Женя Урбанский, Юра Гребенщиков, Оля Бган и многие другие... На сцене Театра имени Станиславского шли хорошие пьесы, здесь творилось настоящее искусство. Сейчас о перемене места мне вообще говорить смешно: из одиннадцати спектаклей, идущих у нас в театре, я играю главные роли в девяти. Меня пригласил сюда после окончания ГИТИСа Михаил Яншин. Мне нравится «театральный» образ жизни. Хотя, думаю, мог бы заниматься чем угодно, выбрать любую другую профессию. Но у меня никогда не возникало желания заниматься чем-то, кроме своего дела. Театр - мой дом, его сцена полита моим потом. Актеры - моя большая семья. Кто-то сказал, что актер - это не профессия, это национальность. Очень справедливое, на мой взгляд, высказывание. Это работа и в то же время - образ жизни. Мне нравится так жить, я люблю театр и, думаю, вряд ли смог бы жить как-то иначе.

Беседу вел
Леонид ГУРЕВИЧ